

天下快車

КИРИЛЛ КОБРИН
ПОДНЕБЕСНЫЙ ЭКСПРЕСС

Кирилл Кобрин

Поднебесный Экспресс

«НЛО»

2019

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Кобрин К. Р.

Поднебесный Экспресс / К. Р. Кобрин — «НЛО», 2019

«Поднебесный Экспресс» торжественно открывает прямое железнодорожное сообщение между городом X во Внутреннем Китае и Лондоном. В опечатанном межконтинентальном вагоне – пассажиры из самых разных стран. В первые же сутки в «Поднебесном Экспрессе» происходит странное. Роман эссеиста и историка Кирилла Кобрина – о любви, смерти и о будущем, которое нас всех ждет, и из которого так успокоительно возвращаться в прошлое. Агата Кристи, переписанная Аленом Роб-Грийе, с последующим ремастерингом. Те, кто прочел эту вещь в рукописи, требовали продолжения.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

© Кобрин К. Р., 2019
© НЛО, 2019

Содержание

Первый день	6
1	6
2	9
3	11
4	16
5	18
6	27
7	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Кирилл Кобрин

Поднебесный Экспресс

© К. Кобрин, 2019

© П. Хохонова, дизайн обложки, 2019

© ООО «Новое литературное обозрение», 2019

* * *

«– Гастингс, вы же, кажется, бывали в Китае?»

– О да! Прекрасная, прекрасная страна!»

Первый день

1

Ехать пришлось не в один из четырех вокзалов города Х., которые выполняют функцию четырех ворот, обычных для любого китайского поселения – Северных, Восточных, Южных и Западных, – а совсем далеко, за субурбию даже, туда, где, по рассказам, находится транспортный узел, карго-порт почти всех континентов и немалого количества морей, начало – точнее, одно из начал – нового шелкового пути, что волнистой железнодорожной лентой имеет улечься по евразийскому ландшафту с востока на запад, нет, с юго-востока на северо-запад. Оттого пришлось заказывать такси, что, конечно, в любом случае ожидалось. Во-первых, два больших чемодана, рюкзак и сумка, в которых лежит все, чем и в чем жил целый год. Во-вторых, отбывая в каком-то смысле в миллионерскую поездку, экономить на такси нелепо. Да, но тут все нелепо, включая саму поездку. Почему бы тогда не сэкономить нелепо? Не вышло, ибо транспорт в карго-порт не ходит, да и в пять утра автобусы с метро в городе Х. еще спят. Так что осталось прибегнуть к услугам службы с пиликающим названием, вроде «ку-ку», но не «ку-ку», а чуть иначе. Впрочем, здесь тоже сложность.

Английской версии псевдокуку пока нет. Заказать такси просто, надо только ткнуть в опцию, что внизу справа; да и на карте понятно, где ты (синяя мерцающая точка с исходящими от нее идеально круглыми волнами), а где машина. Но вот потом ты получаешь месседж от водителя, мол, ты где и куда подъезжать. И нужно не только прочесть, но и ответить. На китайском. Английской версии нет. Так что квазикуку не шибко попользуешься, точнее, не шибко попользуется тот, кто оказался внутри Великих стен (каменной и *Firewall*) почти случайно, относительно ненадолго и если что и выучил из местного языка, то только на слух несколько дюжин слов – да как они фонетически записаны латиницей, на пиньине. Что в высоколитературном эпистолярном с водителями некуку не помогает. Пришлось просить студента, с сегодняшнего дня уже бывшего. На самом деле здесь уже почти все для меня с сегодняшнего дня бывшее. Если поезд, конечно, действительно существует и действительно уйдет с платформы карго-порта города Х.

Да, бывшее. Год прошел. Ровно год.

Но таксист, как сказал студент, не может подъехать к маленьким Восточным воротам кампуса, надо идти к большим Восточным воротам, что у реки. Как матрешка: есть огромный город Х., у которого есть ворота Северные, Восточные, Южные и Западные, четыре вокзала, не считая карго-порта. Внутри города Х. есть университет, то есть главные корпуса его и кампус вокруг, прямо в центре, не на окраине. Кампус тоже огромный, он обнесен частично просто стеной, частично стеной домов, повернутых спиной к окружающему миру. Крепость Знания и Просвещения. В крепости четверо ворот: Северные, Восточные, Южные и Западные. Наверняка внутри кампуса есть какие-нибудь специальные зоны, отгороженные стенами и домами, в них тоже Северные, Восточные, Южные, Западные. Вообразим, что зоны содержат в себе специальные постройки с четырьмя дверьми, а внутри построек – комнаты, откуда можно выйти на все четыре стороны. Внутри комнат стоят макеты, скажем, напольный макет города Х. с его уже совсем маленькими воротами; на макете при внимательном рассмотрении можно найти кампус с Северными, Восточными, Южными и Западными; если вооружиться лупой, то обнаружатся спецзоны, на четырех входах в которые сидят совсем уже микроскопические охранники, попивают зеленый чай из стеклянных фляжек, курят и смотрят в телефоне сериалы, а уже вовсе немыслимая технология поможет найти и дома внутри зон, и их двери, и комнаты с выходами на все четыре стороны света, в которых стоят макеты города Х., на

которых можно. Местный мир укладывается в крошечную шкатулочку, внутри он дробится до бесконечности, представить его страшно, кружится голова, холодный пот, стучит сердце, подташнивает. Ничего удивительного – пять утра, тьма, сырость, с двумя огромными чемоданами, рюкзаком и сумкой приходится тащиться к большим Восточным воротам. Есть еще история, отчего четверем большим соответствуют всего лишь три маленьких, но потом.

Тяжко, лучше думать о том, что увижу через часа полтора. Не знаю ведь, что увижу. Как это будет? Оркестр провожает отходящий экспресс печальным вальсом «Прошлым летом в Ланчжоу»? Секретарь партийного комитета карго-порта города Х. машет вслед поезду красным платочком? Невыспавшиеся пионеры стоят ровной линейкой вдоль платформы, алеют галстуки, правая рука делает салют, левая вытянута вдоль худого тела, которое еще недавно было укутано тяжелым теплым покрывалом и безмятежно покоилось на жесткой кровати? Знатные пассажиры подъезжают на роллс-ройсах и немислимых джипах, щегольские костюмы, тщательно выращенные усики, замашки шанхайской мафии тридцатых из сериала, вежливые улыбки, пустые, опасные глаза? Вокруг же, по бокам ярко освещенной платформы (свет интенсивный, холодный, мертвенный, пластиковый какой-то, дешевый и убивающий желание жить, как почти все изделия местной промышленности) толпится персонал. Техники, носильщики, охрана – их почти не видно, но они мгновенно возникают, когда нужно, вот юная леди на высоких каблуках, в узкой юбке, в столь не подходящем местному климату парижском пальто, роняет сумочку, тут же подскочил человек в зеленовато-серой рубашке и мышинных брюках, маленький, с широким скуластым темным лицом, на мгновение я перехватываю его взгляд, какой-то угрюмо-торжествующий, рот приоткрыт, видны зачерненные никотином редкие зубы, он поднимает сумочку и отдает юной леди, она звонко произносит неперменное «си-си», человек в зеленовато-серой рубашке возвращается в тень, вспыхивает огонек сигареты, и я слышу, как он смачно харкает. Хотя, может, и не он. Здесь принято громко, со вкусом харкать – будто вся страна медленно выздоравливает после тяжелого бронхита.

Вышенарисованная картина позволила проехать вниз на лифте, преодолеть вестибюль моего (бывшего) дома, спуститься по небольшой входной лестнице и пересечь огражденный стеной двор. У будки охранника пришлось притормозить, калитка заперта. Внутри будки, на лакированной коричневой скамье с изогнутой спинкой спит маленького роста человек в зелено-серой форменной рубашке, мышинных брюках, он укрывался курткой, тоже форменной и тоже мышинной. Милитаристское кепи лежит на столе рядом с флягой, в которой на дне разбухают листья зеленого чая, с телефоном, ярко-красной пачкой сигарет и зажигалкой. Я стучу в окошко. Человек проснулся, садится, потягиваясь, на скамью. Это мой знакомый охранник, с ним я обмениваюсь улыбками и приветливым «нихао!» всякий раз, когда вхожу в наш замок или выхожу из него; обычно он сидит в будке, в зависимости от времени года то подставляет свое маленькое широкое скуластое темное лицо под прохладный воздух вентилятора, то просто располагается за столом, в телефоне показывают что-то из времен «Великого похода», дымится сигарета в пепельнице, уровень жидкости во фляге еще высок. Впрочем, иногда он разгуливает по двору, важно беседует с тетками и мужичками неопределенных лет, которые пасут внуков на асфальтированном лужку, с трех сторон окруженном высоченным нашим домом, пятнадцать этажей, с четвертой – забор, посреди двора – крытая стоянка велосипедов и мотороллеров, запыленных, ржавых, превращающихся в непроходимый металлический кустарник, будто специально выращенный посреди человеческого жилища в знак и напоминание о чем-то, непонятно чем. Впрочем, в прошедшем времени. С ним я обменивался улыбками и приветливым «нихао!». Будет ли он и дальше начиная с сегодняшнего утра разгуливать по двору, точить лясы с господином Ли и госпожой Юан, тетешкать пухлого мальчугана, что развалился, словно богдыхан на троне, в своей колясочке, покрикивать на курьера, привезшего горячую снедь в квартиру 1103, – не знаю. Ведь вполне возможно, что стоит мне отвернуться от этого мира, как он исчезнет без следа. Если так, что здесь тогда будет? Охранник зевает, надевает из уважения

к иностранному специалисту кепи, быстрый обмен «нихао!» на «байбай!» воспоследовал, за спиной щелкает электронный запор калитки, и вот уже нужно тащить два огромных чемодана, рюкзак и сумку сначала налево, узким проходом между стеной нашего – уже не нашего на самом деле – замка и припаркованными автомобилями, чьи лишние стойла туши еще темнее темного неба, между авто там и сям нестрого стоят, полулежат, лежат, валяются, они, как тараканы, развелись в городе Х. в последний год, затем следует привычно задержать дыхание, проходя мимо мусорного контейнера, затем опять налево – на широкую пустую аллею, освещенную пластиковым светом, отчего голые ветви больших деревьев, обрамляющих торжественное передвижение от маленьких Восточных ворот к большим, кажутся еще более чужими, нежели они есть на самом деле, вечерами ситуацию спасают яркие прожектора теннисного корта слева, там свет насыщает розоватый грунт площадок, придавая хоть какое-то тепло этому времени года, этой части кампуса, этому городу, этой стране и этому миру. Но сейчас корт темен, пять утра, так что вперед, левая рука сжимает ручку чемодана, который катится на колесиках, подпрыгивая на выбоинах, правая рука сжимает ручку точно такого же чемодана, который делает то же самое, к спине прижата мягкая ребристая спинка рюкзака, за которой угадывается – сквозь относительно мягкий чехол – поверхность ноутбука, правое плечо оттягивает сумка, она равномерно, с каждым шагом бьет по ягодице. Нужно дойти до лотосового пруда, обогнуть его справа или слева (лучше справа, чтобы сказать «бай-бай» Мао, добродушно, но свысока приветствующему тех, кто решил заглянуть в здание химического факультета), а потом снова прямо. Там, миновав библиотеку, корпус всяческих политических наук, а также даосизма, ворота, два шлагбаума, две будки охранников, справа узкий выход для пешеходов, слева здание тибетских штудий и университетский музей. Сразу после ворот, на небольшой стоянке, такси.

2

На мост. Пусто. Через реку два пешеходных променада, повыше и пониже. На той стороне. Широкая улица. Торговый дом, в рекламах гаджетов. Здание новое, уродливое, осыпается. Светло-коричневое – возможно, освещение такое. В домах почти все окна темные. Дома: восьмидесятых, девяностых, нулевых, десятых. Совсем трущобы, облупленные стены, окна и балконы прикрыты прутьями. Белье. Везде белье. Облупленные, но не трущобы еще, через пять лет будут. Претензии на изыск, кирпич, не панели. Белое, светло-коричневое. На крышах и последних этажах – шапки зелени. Сады Семирамиды. Си Ми На Ми Ду. Тропики непечальные. Торчащие из любой трещины. Потом серые, высокие, металл, стекло, бетон, строгость непервоначального накопления, скорее первоначального распределения непервоначально накопленного. Железо ржавеющее, тропики. Стекла мутные, блеска нет, непрозрачность распределения накопленного. Бензиновые разводы, цвета, как на *Dark Side of the Moon* после встречи с призмой, размазанный спектр. Новый миллениум, свечи, серые и светло-коричневые, крыши – имитация старокитайского, слегка изогнутые, с колоннами. Накопление и распределение *in full swing*, декоративность. Излишества от излишка. Нынешнее, свечи еще выше, светло-, просто- и темно-коричневые, многие пустые. Каменные графики роста инвестиций в недвижимость. Что завтра? Будущее? Что будет здесь? Сейчас внизу лавки и магазины. Рестораны и забегаловки. Птичьи лапки иероглифов, гласное переливание пиньиня. Где-то свет, очень поздняя еда или очень ранняя? Второе. Машин почти нет, зато трехколесные драндулеты темно-вишневого цвета сбоку, сзади, впереди, люди, огромные тюки с мусором, плодами земли, пожитками. На обочине – легкие тачки, колесницы о двух колесах. На них большие плетеные корзины, торчат метлы. Люди в больших соломенных шляпах. Старики в основном. Больницы. Много больниц. Центр красоты. Центр детского рака. Центр традиционной медицины. Центр желудочных заболеваний. Центр сексуального исцеления. Центр красоты. Центр раковых заболеваний. Центр красоты. Центр традиционной медицины. Центр остеопатии. Центр раковых заболеваний. Центр красоты. Центр дыхательных заболеваний. Детский центр здоровья. Центр раковых заболеваний. Центр красоты. Центр красоты. Центр раковых заболеваний. Центр красоты. Центр красоты. Центр красоты. Центр раковых заболеваний. Центр красоты. Центр красоты. Центр красоты. Триумф красоты над раком. Три развязки. Бетонные опоры в зеленом лишае. Лианы, не плющ, Азия, юг, не Европа. За развязками просвет, дальше уже только нулевые и нынешние. На свечках электрические красные иероглифы. Миру – мир? Труд? Мао велик? Выше знамя? Хуавэй? Свечи, зубастые, с поперечными решеточками балок, будто разборные игрушечные, с крышами, как третий тон китайского. Ландшафт старого китайского арта, но вместо гор недвижимость. Птиц не видно, облака и тучи исключены за невозможностью, климат плюс выбросы. Ровная серая молочная мгла днем. День через три часа, пока исход ночи. А потом пара часов – и у меня день за спиной. Движение из стороны восхода в сторону заката, из будущего в прошлое. Недвижимость все реже, пакгаузы, собранные на скорую руку склады, мастерские, промзона. Привезенное и отправляемое. Я отправляем. Везом в пункт отправки. Таксист. Запах тела. Два смартфона в железных лапках. Карта и чат. Чат звуковой. Реплики водил и оператора. Хохоток. Хорошо-хорошо-хорошо. Хао-хао-хао, как ха-ха-ха или хо-хо-хо. Промзона, светло-серое, ртутные блики, реклама тоже серая или голубая. Красное только для лозунгов на крыше недвижимости, для фонариков, для книжечек с председательскими изречениями. Стада машин во дворах дилерских автоферм. Ни души. Вдруг пустыри, потом опять промзона, склады, мастерские, склады, мастерские, склады, ограды, колючая проволока, ворота справа и слева, будки охраны, полицейские, контейнеровозы, контейнеры, на них география топонимов. Таможня. Таможня.

Склад. Таможня. Торговый центр. Таможня. Колючая проволока. Полицейские. Шлагбаум. Полицейские. Шлагбаум. Звонок смартфона, деньги за проезд сняты. Си-си.

3

Небольшой павильон, стеклянный, с раздвижными дверями, внутри он разделен на две части. Сначала паспортный контроль. Пришлось подождать, передо мной огромный человек в бежевом пальто, прошитом по кантам и нижнему краю красной ниткой, что-то энергично кричал в окошко, иногда, впрочем, отворачивая голову, чтобы выдохнуть “fucking idiot”. Набравшись таким образом новых сил, он снова принимался орать разные слова пограничнику, которого за толстой красной шеей и продолжающим ее уже совсем багровым затылком, жидко заштрихованным белесыми волосами, шанса увидеть не было. Да я и не особенно хотел, учитывая неизбежную с пограничником беседу, поджидающую меня, как только утихомирится британец. Конечно, британец: цвет пальто, шеи, затылка, акцент, высокомерная наглость. А он все орал что-то про особенности визовой политики Киргизии и Казахстана, которые казались стражнику одним государством, скучающие секьюрити в зеленовато-серых рубашках под мышинными куртками даже немного насторожились и начали прислушиваться к чужой речи, наконец, в павильон вошла невысокая китайка в круглой меховой шапке, обогнула мои чемоданы и втиснулась между слишком видимым миру бежевым пальто и невидимым миру прилавочком будки и громко, но уже с иной совсем интонацией, отрывисто заговорила на общем с пограничником языке. Стала, наконец, слышна и другая сторона переговоров, тоже отрывистая, громкая, но немного утопленная в ватном одиночестве по ту сторону бронированного стекла. Граница была взята количеством; послышался глухой удар штампа по паспорту, потом еще второй – я только тут сообразил, что меховая шапка обошла меня без очереди, но рука за стеклом сделала жест уже лично мне, мол, подходи. Перетаскивая вещи к стойке, я обнаружил, что место моего ожидания помечено специальными следами, стоять здесь. Следы были не человеческие. Панда, наверное. Мы в Китае. Они тут везде. Стоящий за мной среднеазиатского вида джентльмен помог мне с сумкой, я поблагодарил, вытащил паспорт, открыл визу, сверху положил билет и задвинул все это в щель. Пограничник был освещен тем же пластиковым серым светом, как и всё в павильоне и снаружи него, как в городе, который я только что проехал, как в стране, которую собрался покинуть. Он ловко перелистал страницы и задал явно тот же вопрос, что и бежевому пальто. Ах, да, у меня есть еще паспорт, с нами такое бывает, в Европе, знаете ли, два паспорта, а то и три, мы их коллекционируем, что ли, вот, это моя вторая, то есть первая, родина, у нее с Киргизказахией безвизовое. Полюбуйтесь. Да, это я. Похож? Я знаю, что шутки такого рода неуместны и в таких местах, их никто не понимает, да и не обязан понимать, нас же должны просто ненавидеть, толпы непонятно зачем перемещающихся по миру людишек, у которых вечно что-то не в порядке, они дрожат, подходя к стойке Стражника Ворот в Великой Стене, даже если у них все хорошо, все хао-хао с документами, просто бояться – и правильно делают, так как здесь, у щели в ватный мир будки, у аккуратно вырезанных круглых дырочек, сквозь которые протискиваются туда-сюда слова, все равны, миллионеры и уборщицы, профессора и бухгалтеры. Все мы тут сырые, убогие, нагие, все ждем пропуска в чистилище, где нужно снимать верхнюю одежду, вытаскивать ремни из брюк, потрошить сумки, демонстрировать включаемость ноутбука, стоять, разведя руки, пока тебя безучастно лапает кто-то в резиновых перчатках. А там, после чистилища – сверкающий яркими огнями рай *duty free* и бутиков. Но не здесь, наверное. Мы в карго-порту, вряд ли. Ну хотя бы в чистилище чуть теплее. Пропиная чемоданы сквозь узкий проход между двумя будками паспортного контроля, я уступил место следующему. Я даже слышал, как он поправил пограничника, который пытался прочесть имя в паспорте. *Sorry. No. My name is Daraz.* Дараз. Хорошо бы разделить купе с ним. Бежевое пальто я придушу на второй же день.

Второй отсек павильона. Все, как обычно в подобных местах – лента транспортера, пластиковые корытца, куда мы выгружаем стыдные пустяки приватной жизни, все покрыто неви-

димой грязнотой, и чудится запах носков. Чудится, конечно, не на самом деле, хотя как знать, учитывая количество пар ботинок, ежечасно проходящих процедуру рентгена в каком-нибудь Хитроу. Но здесь, в шмональне карго-порта города Х., пахло только немытыми полицейскими, да и то табачный дым почти вытеснил этот запах. Скорее похоже на тамбур в советской электричке – смесь холода, запаха человеческих выделений, сквозняка и скверного курева, неуютство последней степени. Но зато и нравы помягче, нежели в аэропортах – рейс специальный, пассажиры строго отобраны, да и вообще не самолет, а поезд. Так что искать следует лишь наркотики, взрывчатку и огнестрельное оружие. Дезодоранты и воду не отбирают, и на том спасибо. Когда я уже распахивал вещи обратно по карманам, вбежала та китайка, паспорт, паспорт, забыла, в корытце, я оглянулся, улыбающийся Дараз протягивал ей бордовую книжицу, пограничник нехотя поднялся со своего кресла, взял паспорт, что-то сказал китайке и отдал. Мне послышалась что-то немецкое в его командном голосе, но потом я увидел за спиной средневосточного джентльмена группу людей, двое мужчин и женщина, это они говорили на немецком. Мда, будет настоящий интернационал на колесах.

Никакого duty free, конечно, нет, а я по глупости думал запастись простейшим виски в долгий путь, действительно, глупо, мы же в сердце Китая, граница далеко, ехать и ехать, с останковками, так что забудем про виски, только местное пиво и зеленый чай, виски же – в конечном пункте маршрута, в Лондоне. Собственно, нет не только магазинов, нет ничего, пройдя секьюрити, я сразу оказался на железнодорожной платформе, из тени вышел человек в форме, попросил показать билет, подозвал носильщика, тот положил мои чемоданы на тележку, на них прилепили ярлычки и повезли к месту посадки в наш вагон. Поезд недлинный, всего шесть вагонов, но пять из них отцепятся по пути в Китае, и только наш, только наш прибудет, в конце концов, в Лондон. Семнадцать дней. Главное – чтобы бежевое пальто не подселили. Вот оно, кстати, стоит, рядом меховая шапка, чуть поодаль толстый парень в короткой дутой куртке, из-под которой классически выглядывает более длинный пиджак, шея аккуратно укутана шарфом, на голове красная вязаная шапочка, в руке красный портфельчик с желтыми иероглифами, такие здесь выдают участникам региональных совещаний по вопросам усовершенствования и углубления, подойдя ближе, я понял, нет, не парень, ему лет уже тридцать пять – тридцать семь, хотя черт разберет, да и освещение не способствует физиогномике, не говоря уже о погоде, руки уже даже не зябли, а ныли. Влажность сто процентов. Зима в непе- чальных тропиках. Времени до отхода полно, в вагон пока не пускали, торжественных речей и «Прощания китайки» в исполнении духового оркестра не предвиделось, втыкать в смартфон некомильфо, да и пальцы плохо слушаются. Опершись о бетонную колонну, поддерживающую бетонный же козырек платформы, я изображал небрежного денди, поглядывающего на окружающих, а на самом деле задремал. Одно из базовых умений истинного джентльмена – дремать стоя, делая вид, что с интересом изучаешь окружающий мир. И что-то даже привиделось, что пошел снег, пушистый, чистый, вот он лежит за вагонным окном, но мы никуда не едем, стоим, точнее сидим, в вагоне-ресторане, сплошное ар-деко, дамы, шляпки, высокий полковник курит трубку, я уже был готов обсудить с ним политику Его Величества в Радже, как кто-то произнес мое имя. Не может быть, они не могут знать меня, никогда обо мне не слышали, но вот еще раз произнесли, акцент, голос женский, глуховатый, я стряхнул сон, выпрямил подогнувшиеся было колени, sorry? Какая-то девушка в круглых очках смотрела на меня и улыбалась.

«Петр Кириллович!» Русский язык, я им за пределами аудиторий здесь почти не пользовался, а уж тем более за пределами кампуса, не говоря уже о железнодорожной платформе карго-порта города Х., перед посадкой в *Tian Guo Kuai Che* – так я несколько недель назад, разглядывая ваучер на проезд из города Х. в город Лондон, перевел на пиньин, с помощью аппа, конечно, название этого передвижного предмета роскоши. Поднебесный Экспресс. Ваучер был что надо, красивый, с торжественными иероглифами, при нем в специальном конверте лежала карта маршрута, а также письмо лично от главы компании. Рады предоставить Вам, уважа-

емый господин, возможность проезда на нашем замечательном экспрессе от и до, все включено, скидка пятьдесят процентов в знак признательности за услуги, оказанные нам и проч. Я машинально отметил несколько ошибок в русском переводе, с моим отъездом они лишились редактора, ха. Ну не стали бы просить меня вычитывать обращение их компании ко мне же! Хотя могли, на самом деле, с них станется. За год, что я провел здесь, уча чему-то русскому местных студентов, а параллельно помогая местным частным и официальным конторам порождать относительно грамотные документацию и эпистолярный на русском, было что понять и чему научиться. Собственно, не очень интересно, но пришлось. Интереснее другое – представлять, как переписанные тобой грамоты участникам совместной исследовательской группы работников системы местного самоуправления китайской провинции Z. и N-ской области РФ, или речи глав уездных управ, или рекламные проспекты учебных заведений и грузоперевозящих компаний распространяются по моей первой родине, оседают в компьютерах чиновников и управленцев, пылятся в папках, чтобы через несколько лет быть равнодушно стертыми, выброшенными, уничтоженными. Вся эта кипучая деятельность, визиты, приемы, поездки на места, декларации, ассоциации, форматы – все вечности жерлом пожирается, механически, безотносительно содержания пожираемого, будто и не было, бесследно. Были ли эти бумаги и файлы? Были ли люди, что в них упомянуты? И те, кто производил документы на свет? Был ли я, который правил этот бред, придавая ему вид, наверняка понравившийся бы великому корсиканцу, как-то посоветовавшему создателям кодекса законов имени себя: «Пишите коротко и неясно»? ОК, даже не «был ли я?», а «есть ли я?» Вот в чем вопрос. То же и с деньгами, что они платили. Я откладывал их, чтобы отдать им же, тем, кто платил; ну, скажем, кому-то из них. А именно – фирме «Древний путь», управляющей карго-портом и посылающей раз в неделю один-два грузовых состава со всякой китайской всячиной на северо-запад – сначала в свой Синьцзян, потом – в чужие Киргизию и Казахстан, Россию, Белоруссию и Польшу и так далее до Лондона. Интересно, что же доезжало до Лондона и сколько это доехавшее могло стоить. Чай? Лечебные травы? Дорогие шелка? Даосская мудрость? Каковы предметы неторопливого экспорта из одной бывшей империи в другую, из Поднебесной в ту, над которой некогда никогда не заходило солнце? И вот сейчас, после сокрушительного успеха нашего транспортного начинания (да, при редакции перевода официального отчета за 2016-й я заменил «оглушительный» на «сокрушительный», немало порадовавшись тому – крушим, а не глушим) мы делаем следующий шаг, намерены перевозить не только грузы, но и людей. «Роскошный Поднебесный Экспресс. Открой для себя Евразию из окна вагона». Наверное, нужно было «в вагонном окне», но это уж как-то по-советски, колеса диктуют вагонные, мой адрес не дом и не улица. Плюс внимательный наблюдатель заметит, что императив «открой», имея отношение к «Евразии», намекает и на то, что вообще-то можно и «окно» открыть, что едешь ты в закупоренном вагоне, в капсуле. Имя твое – монада, вещь в себе, а Евразия – тоже в себе, и вместе вам не сойтись. Так что, милый, выкладывай большие денежки на поддержание собственных иллюзий по поводу собственного социального статуса. Впрочем, окна в купе мы моем хорошо, так что можешь делать сколько угодно фото и даже тут же выкладывать в сеть, вайфай на борту имеется, и, напомним, у нас в поезде ничего не блокируют, в том числе и Твиттербук с Инстаграмом. И на том спасибо, дорогие товарищи. В общем, я откладывал халтурные деньги, чтобы глупо выкинуть их, отправившись первым же рейсом Поднебесного Экспресса. Собственно, не «первым же», а просто «первым». Мой контракт здесь закончен; виза тоже истекает (кровью? чернилами? слезами?); вернуться на остров, где я сейчас обитаю, можно и с некоторой экстравагантностью. Островитяне оценят, они раньше мастера были на подобные штуки. Вокруг света за пятьдесят дней. Филеас Фогг.

«Петр Кириллович!» Да, это был русский, а не английский, я смотрел на улыбающееся юное лицо, обрамленное черно-белой пандой, меховые ушки на макушке, и ничего не понимал. «Это я, Юля, Сюин, аспирантка. Вы нам рассказывали о Каламземе». «Карамзине», – автоматич-

чески поправил я, привык, с разницей между «м» и «н» они как-то справляются, но вот уже «д» и «т» совсем сложно, а «р»/«л» и вовсе. Нет звука «р» в китайском. Я привык. Даже научился не вздрагивать, когда какое-нибудь милое создание говорило: «Можно вам посрать свою работу?» Конечно, можно. На детей не сердятся. Да-да, Карамзин, «Письма русского путешественника», аспирантки, Юля, вспомнил. Никогда не знал ее китайского имени. «Здравствуйте, Юля, вот уж не ожидал! Как вы здесь оказались? – тоже привык составлять фразы из пособия по разговорной речи, каждое слово отдельно, медленно, никаких вольностей. Мама мыла раму. – Вы тоже едете на этом поезде?» Пауза, в чужой голове перебираются чужие слова, выстраиваются в правильную последовательность. «Да! Я же выиграла конкурс! Еду на год в Московский университет! Родители были рады! Подарили мне эту поездку!» Ну вот, этого еще не хватало, хотел же мизантропически промолчать семнадцать дней, наблюдать нравы, читать, спать, думать. Завершить китайское приключение эксцентричным жестом колониалистской британской свиньи. Детский сад – за спиной, никаких больше уроков, медленных речей, исправлений, перепачканных мелом рук, участливой улыбки при внимании рассказам о родителях, вышедших на пенсию или занимающихся бизнесом, о младших – непременно младших – сестрах и братьях. О поездках к бабушке в деревню, о разнице между пекинской и сычуаньской кухней, о том, что да, книги люблю читать, прочла в прошлом году одну, не помню автора, роман, о жизни, грустный. Из детства – в старость, из будущего – в прошлое, из Китая – в Европу. Таков финальный аккорд, за который я выложил кучу юаней. И вот на тебе.

«А вы?» Я начал было излагать сокращенную версию истории того, как оказался на этой платформе в шесть часов тридцать минут утра пятнадцатого февраля две тысячи восемнадцатого года, но вдруг за моей спиной громко произнесли «еб твою мать». Только привычка, приобретенная столькими годами жизни за пределами ареала распространения сего восклицания, позволила мне не моргнуть глазом, но я замолчал – из мелкой боязни быть опознанным соотечественником с последующими мучениями в пути до Москвы, а то и до Лондона. «Юля, давайте устроим небольшие каникулы, раз оба мы на каникулах. Мы говорили на русском, пока я вас всех учил. Вам придется говорить только на русском в Москве целый год. Пока же перейдем на английский, хорошо? Я помню, вы мне говорили, что вообще-то русский не любите, с детства учили английский, но пришлось поступить на русское отделение университета, так как на другие не хватило баллов». Интонация детского сада не отпускала меня, но здесь добавилось то, что в этом универсальном наречии я сам был воспитанник, а не воспитатель. Заодно и спущусь с профессорской кафедры в нормальную жизнь, где все мы говорим на чужом языке. Аспирантка вздохнула с облегчением. «Конечно!» Кажется, я попал в точку. «И давайте, раз не на русском, будем называться соответствующим образом. Я без отчества, а вы – Сюин, ОК?» – «ОК».

Только сейчас я решил обернуться, тем более что матерные причитания продолжались, негромко, кто-то с чем-то возился сзади меня, пытался и даже задел мою ногу. Хороший повод обернуться. «Сорри!» – с отчетливым рrrrrраскатом каркнул человек в аккуратной черной курточке с волосатым воротником. Он вообще был аккуратным, как я успел разглядеть его в сером свете платформы, – черные брючки, ботиночки с длинными, немного загнутыми вверх носками, меховая кепка. Чистенькое, новенькое. Да и сам он был будто промыт изнутри дезинфицирующим раствором, отчего антураж слегка выцвел. Лет тридцать, юный чиновник или предводитель губернских единокороссов. Типаж знакомый. Один из тех, для кого я выправлял русский перевод почетных грамот и бизнес-брошюр. Так сказать, мой читатель. Прослезиться можно. А он все собирал свалившиеся с тележки сумки, приговаривая «бляднхуячуркиебаныхуясделатнемогутуродыгдебляднхуясылькиэкспрессхуевнихуянетнаебало», а я уже отводил китайское дитя, дабы уберечь от неприличностей, столь, увы, часто уснащающих речи носителей языка Толстого и Ахматовой. Нет, Лев Николаевич и Анна Андреевна горазды были поматериться – тогда языка Карамзина и Набокова, за этих я уверен. Но она так и не поняла,

приняв длинный монолог человека на карачках за что-то общечужое, невычленяемое. Меж тем подали состав, и дверь вагона открылась. Вышли две девушки в красных мундирчиках, белых блузках, красных юбочках, к прическе приколоты круглые шапочки, я решил было, что это проводницы, но тут они запели, разводя руками и легко покачивая головками направо-налево, как фарфоровые куколки. Все на платформе вдруг замолчали и стали медленно придвигаться к двери. Вот певицы вышли из вагона, встали справа и слева у входа, а оттуда появился грузный человек в двубортном пиджаке, галстуке, широченных брюках и круглых очках. Похож он был на условного китайского писателя образца 1933 года, жил в Шанхае, потом переехал в столицу, в Нанкин, печатался в прогрессивном издательстве «Меж двух рек», арестовывался гоминьдановцами в связи с левыми убеждениями, но повезло, не убили, не пытали, бежал в Пекин, там его застигли японцы, просидел всю войну в полуподполье, голодал, сочинял длинный роман о судьбе двух китайских семей от времен «реформ ста дней» до нынешних, с открытым финалом. Финал – его персональный – был открыт еще довольно долго, до 1968-го, когда его, члена Союза китайских писателей, почтенного деятеля культуры, не схватили на улице хунвэйбины, раздели догола, бросили в выгребную яму, откуда он все же сумел выбраться, добрести до своего дома, благо была ночь, потом старик долго отмывал тело, пока, наконец, даже след запаха не исчез, после чего он надел лучший свой костюм, белую рубашку, нащупал в ящике стола запасные круглые очки, обычные растоптали юные мерзавцы, достал из лакированного резного буфета времен тайпинского восстания припрятанную там бутылочку байдзю, выпил стаканчик, вышел из квартиры, тщательно запер за собой дверь, твердым шагом пересек двор своего дома, миновал ворота, на другую сторону улицы, вниз по ней, медленно, уверенно, будто прогуливаясь, минут двадцать, мимо дома Сун Цинлин, он хорошо помнил товарища Сун, встречал на каких-то приемах и съездах, одно время печатался в ее журнале «Китай на стройке», но нынче это уже неважно, до набережной озера Хоухай и потом в воду, чтобы окончательно и навсегда отмыть это все.

Но то был не призрак китайского классика, а вице-президент «Древнего пути». Он приветствовал пассажиров экспресса. На китайском, конечно, но что именно говорилось, догадаться несложно, по крайней мере, мне, я такие речи тоже правил. Уважаемые господа. Когда наша великая страна. Проложен новый путь великого сотрудничества. Древняя дорога стала молодой. Надеемся. Всегда рады. Монументальные складки его широких брюк создавали иллюзию, что с нами говорит памятник. Каменный гость зовет нас в утробу дома на колесах. Скорее бы, пальцы уже не двигаются. Красные девушки запели еще раз, раздался звон китайского колокольчика, вице-президент спустился на платформу, помахал рукой и скрылся за углом павильона, в дверном проеме показался проводник в мышином мундире, из темных углов вышли носильщики и распорядитель церемонии посадки. Так-так, господа, в очередь, по одному, билеты, пожалуйста, номера спальных мест сразу показывайте проводнику. Насчет клади не беспокойтесь, за вами ее внесут.

Вход со стороны купе второго класса, так что недалеко. Бежевое пальто прошествовало в конец коридора, можно было не бояться, он человек высшей наценочной категории. За ним же спешила китаянка в меховой шапке, потом присмиривший русский, потом аспирантка, надо пропустить даму вперед, а вот и мое купе, номер пять. Уф. Верхняя полка поднята, на нижней сидит Сюин.

4

В вагоне девять купе. Четыре первого класса и пять – второго.

Социальная структура Поднебесного Экспресса, точнее, той его части, что следует за пределы Китая, такова:

upper class – 4 представителя,
middle class – 6 представителей.

Что касается пролетариата, то количество его сложно измерить имеющимися в нашем распоряжении средствами; в самом вагоне – два проводника, но ведь есть же и вагон-ресторан с поваром, официантами и проч., а также машинист, его помощник и, наверное, кто-то еще. Так что не будем крохоборничать, пролетариат на борту экспресса присутствует, но он – вполне в духе времени – не очень многочислен. Отсутствуют: трудовое крестьянство, люмпен-пролетариат, прекариат.

Таков социальный расклад. Соответственно, он отражен на схеме расселения пассажиров в вагоне. Четыре одноместных купе первого класса заняты полностью. Что касается купе второго класса, то заселены оказались только три, два пустых. Среднему классу предлагают концентрироваться по двое в клетушках, так сказать, куковать на насесте – а что такое верхняя полка, как не насест? – однако рядом есть клетушки незаселенные, то ли ждущие стремительного размножения пассажиров второго класса, то ли данные нам в ощущение того, что буржуазии есть куда стремиться, куда расти. Дерзни! и ты улучшишь жилищные условия, обретишь окончательную *privacy*, как большой пацан, или – будем гендерно корректны – как *business shark*. Дерзни! Только вот как это сделать здесь, в закрытой железной коробке, направляющейся из стороны восхода в сторону заката, под перестук колес, что надо свершить, какой подвиг смекалки и предприимчивости, какие чудеса протестантской этики капитализма? Собственно, способ только один – дипломатия, дипломатия плюс скромная точечная инвестиция в рост благосостояния ограниченного количества представителей рабочего класса, одного, максимум двух. Только не называйте это «взяткой», речь идет о вопросе чисто морального свойства, о поддержании высокого нравственного уровня, характерного как для вековых китайских традиций, так и кодекса поведения компании «Древний путь». Ну, разве можно допустить, чтобы в столь маленьком пространстве оказались – да еще и на две недели – незамужняя девушка и немолодой господин? Непристойность подобной ситуации очевидна; не могут же они спать вместе, пусть не горизонтально, а вертикально, разделенные лишь небольшим расстоянием между нижней и верхней полкой? Сама мысль о том, как наши уважаемые разнополые пассажиры, смущаясь, выбирают, кто будет сверху, а кто снизу, вгоняет в краску. Нет-нет, вы не то подумали, в краску негодования, причем праведного. А скромные предметы девичьего туалета, содержимое ее несессера и рюкзачка, которые придется являть миру в присутствии посторонних – пусть и корректно отведенных – глаз? Я уже не говорю о том, что подумают прочие пассажиры; относительно почтенных родителей юного создания, их реакцию лучше вообще не представлять себе. Чего доброго, они начнут с нами судиться (это мы как-то переживем), но вдруг они люди влиятельные и имеют связи в партийном руководстве города X.? Нет, нет, такого допустить невозможно. Конечно, следовало бы предложить пассажирам второго класса, оказавшимся в столь неловкой ситуации, просто доплатить разницу между их нынешним социальным статусом и высшим, сделать, так сказать, смелый шаг вверх, однако они это делать решительно отказались, указав – надо сказать, вполне резонно – на то, что могли и раньше купить билеты в первый класс, но по разным причинам не стали этого делать. Тем более они не станут этого делать сейчас. Ситуация казалась безвыходной, пока один из двух представителей компании – они же представители рабочего класса, обеспечивающие чистоту, покой и порядок в нашем вагоне, – не выдвинул свежее остроумное предложение. Дело в том,

что пустые купе второго класса будут заперты в течение всего путешествия, так что никакого ухода за ними, уборки, смены постелей и проч., конечно же, не понадобится. Если же в одно из них переместить отселенного пассажира, например вас, уважаемый господин... ммм подождите секунду, я сверюсь с билетом ... господин Ти Ли Ло Фу ... то объем работ для нас и моего напарника возрастет. Обязанности наши расширятся, однако зарплата – нет. В каком-то смысле, согласившись на такое, мы будем способствовать превращению справедливого труда – а в нашей стране весь труд справедливый, почитайте труды товарищей Мао, Дэна и Си – в несправедливый, тут начинает попахивать эксплуатацией и подрывом основ китайского коммунизма. Идея социальной справедливости в крови китайского народа – и точно так же, надеюсь, в вашей крови, уважаемый господин ... Ти Ли Ло Фу. Так что нужно сделать все возможное и невозможное, чтобы эту идею защитить и укрепить. В нашем случае, как мне и моему товарищу представляется, дело даже не дойдет до невозможного и героического. Достаточно компенсировать наши дополнительные хлопоты в связи – со столь важным и даже необходимым – высокоморальным актом, как поддержание традиционных высоких жизненных принципов китайской молодежи путем отселения нашего уважаемого пассажира в пустое купе второго класса. Все будут довольны, не беспокойтесь. Мы перенесем ваши вещи, как только отъедем на двести-триста километров от города Х. Пока же вы можете посидеть с госпожой ... ммм ... посвети-ка мне, товарищ... с госпожой Сюин, обсуждая достижения нашей прекрасной страны, ее устремленность вперед, ее великую древность и не менее великое настоящее, не говоря уж о грядущем. Кстати, через час в вагоне-ресторане будет сервирован завтрак. Когда вы не торопясь допьете горячие и полезные напитки, находящиеся в ассортименте, все будет уже сделано. Да-да, лучше наличными. Си-си.

«Да, и называйте меня, пожалуйста, на европейский манер, не Ти Ли Ло Фу, хорошо?» – «Конечно, господин Кириллов».

5

Как прикажете, товарищ проводник, поговорим о грядущем. В начале путешествия поговорим о будущем. Будущее. Да, мышь выползает из него, как и из путешествия, впрочем, нет, из будущего – мышь, а из путешествия – гусеница. Путешествуешь, будто ползешь, несмотря на скорость перелетов, ведь все медленно, и большая часть любого путешествия – очередь, а она ползет неспешно, как гусеница. Очередь на секьюрити на входе в вокзал/аэропорт, очередь к стойке регистрации или на bag drop, очередь на обыск, уже основательный, руки вверх, снимай рейтузы, признавайся, где французы, очередь в кассу в duty free, очередь на посадку, очередь в самолете, чтобы добраться до своего пыточного кресла, очередь в туалет, очереди в обратном порядке – это самолет, но если поезд, то меньше, однако тут компенсируется, сам поезд – гусеница. Авто еще хуже, ведь трафик на трассе – очередь из точки a в точку b , встал на гусеницу конвейера и поехал, не спрятаться в кустах, справлять нужду только в специально отведенных точках трассы. Но за нуждой в точках тоже очередь, особенно если рядом отдыхает междугородний автобус.

Путешествие – гусеница, будущее – мышь. Она скребется где-то на кухне или в чулане, то ли за плитой, то ли в норе, которую проделала под раковиной, замаскированной мусорным ведром. Она/оно всегда здесь, рядом с нами, пусть не замечаешь и не думаешь, вспоминаешь лишь когда... вот-вот, шшшш, мышшшш, вспоминаешшшшшш, думаешшшшшш. Будущее скребется где-то в углу настоящего, подбирает крошки, упавшие со стола, доедает объедки из ведра, крадет то, что плохо лежит. Оно внушает непонятный страх, ведь ничего плохого не делает, так санитар кухни, ничего более, скребется, еще один звук в саунде оркестра настоящего. Но боишься его. Боишшшшшш. Особенно, когда оно случайно оказывается на виду, попадает в поле зрения, сколько ни отводи глаз, такое случается. И вот тогда уже даже не страх – у нервных, правда, бывает паника, – а гадливость и недоумение. Как такое вообще может быть? Что за мелкое серое пробегает из угла в угол, мечется, испуганное не менее верещащей девушки, вскочившей на табуретку, верещищащей девушшшшшш, вскочившшшшшш, да, оно напугано, оно мечется, а иногда, если расположить тут и там несколько пружинных убийц, оснащенных предложением бесплатной дегустации того или иного изделия мясомолочной продукции, то приходится вытаскивать раздавленные трупы будущего и выбрасывать на помойку. Дело хлопотливое, но если не, то оно воняет – мертвое будущее.

Нет, не перспективная проекция настоящего. С нами оно, здесь, в углу. Шебуршит. Никаких стройных колонн, шшшагающщщих вперед, ползущих в сторону восхода будущего. Вот оно восходит, подымается над горизонтом, мы вперили в него покрасневшие глаза, ох, что будет, жизнь никогда не станет прежней, будет, не будет, но жизнь остается прежней, солнце в зените, жарко, потно, кто-то опять прогрыз мешок с мусором и утащил протухший сыр. Ах, нас обманули. Будущее было не будущим. Зря тащились на восток, к восходу. Пора домой, в страну заката, меланхоличить. На душе мыши скребут.

Мыши, что-то детское. Мышиные короли, книжки большого формата, картинки, лучше которых никогда уже в жизни не увидишь. Персональная архаика, портативный золотой век если повезло, конечно. Если нет, то даже лучше. Но, предположим, повезло, так писали в детских книжках. И во взрослых тоже. «Я маленький». «Только детские книги читать, только детские думы лелеять». Мыши увязли в архаике, как мухи в янтаре, не выбраться, так и остались, неременным атрибутом. Будущее, застывшее в янтаре, в мармеладе, в студне, заливное будущее. Да, но детство ведь оно и есть про будущее, оно есть будущее, оно ест будущее, им питается, грызет, прогрызает ходы вперед, чтобы в конце убедиться, что будущего нет. Будущее всегда с нами: это дети. Дети и мыши. Мыши будут всегда, так что будущее вечно. Дети тоже всегда, так как умрут позже нас, и мы не увидим, как их будущее стало настоящим. Если,

конечно, не будет войны и часть детей не отправят на фронт умирать. Но сейчас другие войны, мы все равно умрем раньше их, generally. Мон генераль, наша победоносная армия, распущенная по домам после сокрушительной виктории, не обнаружила дома. Все умерли. Все в прошлом. Настоящего нет, только мы, будущее. Смирно! Приказываю перестать быть будущим и стать настоящим! Слушаемся! Служим Отчизне! Отче наш, еси.

Архаика есть будущее. Персональная и общественная. Дети и мыши. Они скребутся на душе, пора напустить на них кошек разума. Сон кошек разума рождает чудовищ.

Продукты жизнедеятельности детей засоряют жизнь, помет будущего нарушает порядок настоящего. Следы того, что никогда не произойдет, так как уже произошло. Оно с нами, и надо научиться его распознавать, с ним жить. Аминь.

Когда это было? Осенью. Да, в октябре, конкурс русского языка в соседнем универе, попросили посудить. Первым делом конкурсант читает речь, две минуты, потом сдает тест на грамматику, потом беседа, потом что-то еще, но не знаю, я судил первую, речь. Даже не речь, а стейтмент, кредо. Типа куда стремлюсь, во что верю, за чьим примером следую, как победить, используя силу воли и добрый нрав. Карнеги за две минуты на почти незнакомом языке. Прислали тексты, чтобы можно было заранее взглянуть, нет ли крамолы и неконфуцианства какого. Дали почитать два. И да, вот оно, мыши хвостиком писали, обмакнув кончик в чернила, дети настучали пальчонками на смартфоне, отвлекшись от просмотра в нем анимационного будущего. Привет типа из другой Галактики. *Message in the bottle*.

Девочкино и мальчикино. Я потом справился. Девочкино – уже аспирантское, то есть лет 25, мальчикино – второго курса, то есть двадцать. Конечно, я сохранил их в своем лэптопе, гости из будущего, дети во вселенной, лучи дошли, сообщение расшифровано, меры приняты не будут, ибо мер нет, ничего нет. Оно рядом с нами, в углу, шебуршит, скребется. Или это мы уже в углу, а они за столом и роняют нам крошки.

Первое:

Кончил дело – гуляй смело

Несколько дней назад, мне было нужно написать статью. Я сразу собрал книжные материалы и нашел в библиотеке нужные журналы. Все было аккуратно. Я кончил статью скоро и отлично. Очевидно, сейчас я всегда выполняю свою задачу вовремя. Каждый день надеюсь на новую работу и новую жизнь.

Но раньше я не был такой человек. Каждый день у меня были задачи, которые мне нужно выполнить. Но, когда я хотел начать свою работу, что-то всегда мешало мне приступить к работе. Я осознавал важность и срочность работы, но отвлекал свое внимание на бытовые мелочи или развлечения.

Однажды учитель задавал нам домашние задания в понедельник и сказал, что он будет проверять эти задания в следующий понедельник. Мне казалось, что у меня есть много времени и мне можно сделать задания отлично. Я был свободен на этой неделе. Я думал, что это прекрасное время отдыха и развлечения. Я решил поиграть новые компьютерные игры. Кроме того, я занимался спортом, смотрел фильмы и так далее. Время бежало, пора было делать домашние задания. Но мой друг приходил ко мне, чтобы позвать меня погулять. Он сказал:

– Еще рано. Ты можешь делать в воскресенье.

Я согласился с ним и погулял. Но я заметил, что всегда испытывал беспокойство и не мог разгуляться. Я тратил время на второстепенное, поэтому мне пришлось сделать задания скоро. Конечно, мои задания были очень плохие. В результате мой учитель сказал мне:

– Пословица гласит: Кончил дело – гуляй смело. Значит, дело превыше всего, а после и можно отдохнуть.

Это верно. Работа является приоритетным занятием в жизни человека, а отдых должен быть заслужен.

Я решил изменить свою жизнь. Я учусь планировать, создавать список дел на каждый день и делаю задания вовремя и серьезно. Сейчас я пишу контрольную работу на отлично. Кроме того, после занятий у меня хватает времени, и мне можно делать то, что я люблю. Я могу отдыхать спокойно, не думая о деле.

Второе:

Путь, который мы выбираем

Выбор правильного пути – дело непростое и серьезное и не каждому удастся решить эту задачу без ошибок. Жизнь – это череда выборов. Жизненный выбор касается каждому. Такой выбор тоже часто появился в произведениях литературы. Наш герой всегда выбрал необыкновенный путь. В романе булгакова «Мастер и Маргарита» нам показан путь Маргарита, что ей приходится принимать в тяжелые минуты. Она любит Мастера и желает отдать жизнь ради своего возлюбленного под угрозой князя тьмы Воланда. Мы тоже видим выбор Иешуа. Он готов пройти тяжелый путь ради верности найденной им истине. Если мы не знаем, к какой пристани держить путь, для нас ни один ветер не будет попутным.

В любом случае, не бывает двух одинаковых жизней, не встречается абсолютно одинаковых путей. Иногда не важно какой путь мы выбираем. Главное, чтобы хватило сил и смелости его достойно пройти и не сдаваться на дороге. В прошлом году я была на перекрестке жизни: работать или продолжать заниматься. Такие важные вопросы были поставлены в моей сердце: как быть уверенной в правильности моего выбранного пути? Получится ли из меня хороших руссистов? В конце концов я выбрала путь к аспирантуру. После тяжелых подготовки мне удалось поступить в мой любимый университет. При всех вопросах и сомнениях я часто отвечаю: пока у меня есть интерес к русскому языку, мне надо идти твердо по этому пути. Вот я жила в новом университете и в новой обстановке. Новая жизнь учит меня как реализовать свой потенциал и получить настоящее удовольствия от своей деятельности. Каждый день читаю много книг на русском, английском и китайском языке и познакомлюсь с новыми людьми.

Жизнь всегда дает сюрприз. В тяжелые минуты нам надо собираться смелости и выбрать путь по душе и потом идти твердо по этому путь. Наш герой удивляет нас своей смелостью при выборе. Давай не размениться по мелочам, не бросаться из крайности в крайность. Давайте следовать своему выбору до конца.

Витя Малеев в школе и дома. Учатся хорошо – ошибок немного, браво. Все можно понять – и интенцию, и каденцию. Типовой гармонический оборот, завершающий музыкаль-

ное построение любого уровня. От «я решил изменить свою жизнь» до «я могу отдыхать спокойно не думая о деле». От «жизнь всегда дает сюрприз» до «давайте следовать своему выбору до конца». Музыкальное построение завершено. Месседж доставлен. Все будет хорошо, нет, все уже хорошо, жизнь изменена, можно отдыхать, не думая о деле, делу – время, потехе – час, пусть сюрприз и поджидает нас. Дорогой правильной идем мы до конца.

Нет, не хихикать, конечно. Над письмами с Марса не смеются. Марс не в смысле расстояния или географической метафоры. Марс здесь. И он атакует, забрасывая стейтментами будущего. Выглядит оно подозрительно похожим на прошлое, но не верь тому. Оно и не похоже, и не на прошлое, оно в настоящем. И ты, дурак, этого не понимал, пока Витя Малеев не прислал тебе записочки из школы и дома. Читай, думай, понимай.

По жанру оба сочинения, представленные на наше рассмотрение, представляют собой трактаты на этические темы, род произведений, столь популярный в некоторые исторические эпохи, причем как на «Западе», так и на «Востоке». Моральные сентенции, примеры из изящной словесности и/или фольклора, случаи из собственной жизни – все говорит об этом. На Западе возникший еще в античности жанр (в основном в латинской литературе, хотя внимательный и доброжелательный читатель вспомнит, конечно, популярные в свое время «Моралии» Плутарха, на что мы ответим, что почти восемьдесят сочинений, вошедших в рукописный сборник, известный под данным названием, представляют собой опыты в самых разных жанрах: здесь и исторические рассуждения, и так называемые «утешительные речи», и философские трактаты, собственно, и именуемые «моралиями», хотя чаще всего это тексты религиозного, политического, литературного и даже естественноисторического содержания, наконец, «Застольные беседы», впрочем, дружеские пирушки и сегодня часто заканчиваются выяснением вопросов именно этических) расцвел в Средневековье, что вполне логично, учитывая характер господствующего тогда мировоззрения, да и большинство вопросов, политических, эстетических, а также философских, конечно, имели разрешение быть разрешенными только в поле этическом, но строго христианском. Второе рождение жанр получил в эпохи барокко и Просвещения – по разным причинам. В первом случае сам культурный воздух барокко стремился воплотиться в столь странном и промежуточном жанре, как трактат, тем более что появившийся в конце Ренессанса новый жанр, «эссе», освободил трактат от необходимости быть читабельным, или по крайней мере читабельным от начала до конца. Это развязало руки многим, от Роберта Бёртона до Бальтазара Грасиана, а нас одарило прекрасными творениями человеческого духа. Барочный трактат, расцветший в эпоху Контрреформации и, увы, самых кровавых европейских войн донаполеоновского периода, не мог обойти моральные темы; по сути, и «Анатомия меланхолии», и «Карманный оракул» – сочинения прежде всего моралистические, но только не морализирующие. Именно эту особенность следует положить в качестве главной отличительной черты настоящего трактата на этические темы – он моралистичен, но не морализаторствует. В нем – несмотря на вышеупомянутое присутствие примеров из биографии автора – всегда наличествует дистанция, критическое расстояние, возможность взглянуть на различные ситуации этически, даже если таковые ситуации являются болезненно-персональными. Обратим в связи с этим внимание на еще одно сочинение, уже эпохи Просвещения – на «Трактат о человеческой природе» Дэвида Юма. Позволю себе напомнить читателю следующий – на самом деле широко известный – пассаж оттуда: «Я заметил, что в каждой этической теории, с которой мне до сих пор приходилось встречаться, автор в течение некоторого времени рассуждает обычным способом, устанавливает существование Бога или излагает свои наблюдения относительно дел человеческих; и вдруг я, к своему удивлению, нахожу, что вместо обычной связки, употребляемой в предложениях, а именно “есть” или “не есть”, не встречаю ни одного предложения, в котором не было бы в качестве связки “должно” или “не должно”. Подмена эта происходит незаметно, но тем не менее она в высшей степени важна <...> должно быть указано основание того, каким образом это новое отношение может быть

дедукцией из других, совершенно отличных от него. Но так как авторы обычно не прибегают к такой предосторожности, то я позволю себе рекомендовать ее читателям и уверен, что этот незначительный акт внимания опроверг бы все обычные этические системы и показал бы нам, что различие порока и добродетели не основано исключительно на отношениях между объектами и не познается разумом». Именно с этой точки зрения, с позиции замечательного деятеля Шотландского Просвещения, мы и взглянем на предложенные нашему вниманию два текста.

В «Кончил дело – гуляй смело» читаем: «Работа является приоритетным занятием в жизни человека, а отдых должен быть заслужен». Если бы эту фразу сочинял Дэвид Юм, она могла выглядеть следующим образом: «Работа есть приоритетное занятие в жизни человека, а отдых есть ее результат». Перед нами констатация одного из главных положений «протестантской этики», той самой, которую в качестве главной движущей силы развития капитализма предложил через сто шестьдесят лет после Юма Макс Вебер. Для протестанта Юма такой подход является само собой разумеющимся, для философа Юма данное рассуждение является еще одной, любопытной, но не более, точкой зрения на устройство человеческой природы. «Работа» этически нейтральна, она может быть названа «добродетелью», но разум ни подтвердить этого, ни опровергнуть не может. Соответственно, и зависимость отдыха от труда так же рационально недоказуема. Этот тезис можно утверждать лишь *ab absurdo*, что автор первого из рассматриваемых сочинений и делает. И делает это исключительно искусно. Большую часть его небольшого трактата занимает история того, как он откладывал выполнение домашнего задания на последний день; заметим, в этом сочинении лишь мельком упоминается, как именно он его выполнил, в тексте приводится только реакция его учителя. Иными словами, учитель – который явно знает, что наш автор провел в разнообразных удовольствиях шесть дней, – выносит свой вердикт вне реального качества проделанной работы. Домашнее задание выполнено скверно только потому, что оно сделано не тем путем, каким следует делать задания учителя. И тут мы из владений европейской культуры переносимся в области, находящиеся под властью Конфуция и Лао-цзы. О втором из них мы подробнее поговорим в связи с другим представленным на наш суд трактатом, а вот влияния конфуцианства на рассматриваемый нами текст отрицать невозможно, да и просто неразумно. Первое, что бросается в глаза в этой связи, – явное следование автором культу старших. Старший, учитель (лаоши) сразу понял, в какой ситуации оказался его ученик; вместо того чтобы ругать его, он привел лишь поговорку, выражающую мудрость предков – да и народа в целом. Именно его слова привели к изменению отношения к жизни нашего автора, они стали переломным моментом. Заметим, что целью «новой жизни» является вовсе не успех в учебе и даже не успех вообще – о том, что ученик пишет теперь контрольные работы на отлично, говорится между делом, проходя. Главными же целью и итогом этического переворота, произошедшего с автором данного сочинения, является душевное спокойствие, этот идеал истинного мудреца; причем душевное спокойствие связано с занятием «любимым делом», то есть не с учебой. «Протестантская этика капитализма» окончательно уступает место восточному созерцанию, не исчезая, впрочем, окончательно. Запад перемещается с Востоком. Так выглядит будущее.

Второй короткий трактат, представленный на наше рассмотрение, следует в том же направлении, однако в нем чувствуется влияние не Шотландского Просвещения, веберовской социологии и конфуцианства, а почтенной традиции западной популярной культуры, взятой в даосские рамки. Важнейшая точка, где сходятся разные интеллектуальные влияния, расположена в заглавии сочинения – слово «путь». Упоминание романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» в этом тексте, безусловно, является уловкой, задача которой – отвлечь читателя от истинного, внутреннего сюжета. Кстати говоря, это тоже одна из важнейших черт барочного трактата как жанра – множество декоративных референций, ведущих никуда, самих по себе роскошных, даже избыточно красивых, скрывающих подлинный ход мысли автора и контуры здания его сочинения. Автор трактата, о котором мы сейчас ведем речь, намеренно использо-

вал отсылку к «Мастеру и Маргарите», намекая, что ее текст следует прочитывать в традиции так называемых «романтических» девичьих сочинений, особенно популярных среди двадцатилетних студенток в некоторых странах мира. Намек здесь такой – Китай также принадлежит к числу этих стран.

Однако за орнаментальным романтизмом, неизбежным в первые посттоталитарные годы жизни определенной гендерной группы, стоит совсем другая культурная традиция, точнее – совсем другие. Рассматриваемый трактат посвящен этическим проблемам, возникающим при выборе того или иного «жизненного пути», что ставит в центр нашего анализа саму концепцию «пути». Именно здесь «Восток» встречается с «Западом», чтобы, впрочем, тут же разойтись по своим углам.

В даосизме «Путь» (Дао) – определенное направление даже не движения, а мышления и поведения. По этому пути невозможно идти, следует либо осознать свою принадлежность к нему, либо не осознать. Второе приведет к прискорбным результатам, они негативно скажутся не столько на жизни данного человека, сколько на балансе и равновесии мира как такового. Иными словами, «путь» не «выбирают», а его «находят», о нем «думают», его «созерцают», ему пытаются «соответствовать». Впрочем, основателю даосизма Лао-цзы пришлось не раз выбирать пути в самом прямом смысле слова – то есть дороги, по которым следует перемещаться по местности. Согласно одной из легенд, он, проведя много лет при дворе правителя, отправился в путешествие на запад. Когда Лао-цзы выходил за пределы Великой Китайской стены, стражник (начальник заставы) попросил Лао-цзы записать его учение и оставить офицеру, чтобы тот мог его изучить. Лао-цзы так и поступил. Но когда мудрец возвращался через те же ворота, он перечитал то, что написал много лет тому назад, – и оказался сильно разочарован. Здесь, конечно, стоит привести еще одну притчу, сюжет которой, судя по всему, тоже связан с Великой Китайской стеной. Ее можно найти в романе Ф. Кафки «Процесс». В соборе священник рассказывает Йозефу К. притчу о поселянине, который просит привратника пропустить его к Закону. Врата Закона открыты, внутрь его твердыни можно даже заглянуть, но привратник утверждает, что сейчас войти нельзя. Впрочем, никто не препятствует поселянину самовольно миновать ворота. Однако тот ждет, проходит год за годом, занятые препирательствами со стражником, попытками его подкупить и так далее. Наконец, наступает старость. Поселянин уже не помнит толком, зачем пришел, как не думал о том, что наверняка есть и другие ворота, ведущие в твердыню Закона. Наконец он умирает. Перед самым концом он задает стражнику один – чисто логический, на самом деле, – вопрос: отчего за все годы никто, кроме него самого, не пришел к этим вратам Закона? Стражник отвечает: «Никому сюда входа нет, эти врата были предназначены для тебя одного! Теперь пойду и запру их». То, что дело происходит в Китае, на границе Империи, у Великой стены, подтверждается следующим описанием стражника: «Тут он пристальнее взглянул на привратника, на его тяжелую шубу, на острый горбатый нос, на длинную жидкую черную монгольскую бороду и решил, что лучше подождать...».

На первый взгляд, сложно представить себе что-либо более далекое от даосизма и его представления о Пути, чем моральный трактат, который мы анализируем здесь. Ведь его автор утверждает, что, во-первых, Путь не является единственным, путей много. И что выбор делается не между Путем и не-Путем, между знанием Дао и не-знанием Дао, как в даосизме, а между несколькими путями. Более того, данный текст предполагает, что жизнь есть «чередa выборов». Это намекает на знакомство автора с теорией синергетики, взглядами Ильи Пригожина, прежде всего – с концепцией так называемых «точек бифуркации». Если так, то перед нами действительно лишь намек, никаких указаний на это философское направление в тексте не содержится. Тем не менее этот намек действительно присутствует: «жизнь – чередa выборов», иными словами, жизнь есть последовательность точек бифуркации. Учитывая, что дан-

ный текст подан на конкурс, устроенный для изучающих гуманитарные науки, не стоит исключать знакомства автора с книгой Ю. М. Лотмана «Культура и взрыв».

Тем не менее более тщательный анализ представленного на наше рассмотрение трактата отчасти опровергает сделанный нами ранее вывод об отказе автора от даосской традиции. Да, речь в нем идет о выборе пути и даже путей, но выбор этот совершается достаточно пассивно, без должных рациональных резонов, он скорее напоминает ситуацию игрока в фараон (описанную в частности в повести А. С. Пушкина «Пиковая дама»), когда игрок выбирает карту, на которую он ставит все (свою жизнь и благополучие), следуя иррациональной Судьбе. «Судьба», «Рок» – понятия, конечно, далекие от древнекитайской традиции, но определенное сходство с Дао обнаружить можно. Однако главное здесь другое. Автор представленного на наш суд трактата находит смысл в правильном выборе *только после того, как он сделан*. «В прошлом году я была на перекрестке жизни: работать или продолжать заниматься. Такие важные вопросы были поставлены в моей сердце: как быть уверенной в правильности моего выбранного пути?» Отметим несколько любопытных деталей в процитированном отрывке. Вопросы о выборе пути ставятся не в «голове», а в «сердце», что означает изначальный отказ от рационального обоснования решения. Решает сердце, которое должно интуитивно понять, какой путь верен. Второе обстоятельство – то, что содержание выбранного в конце концов пути не столь важно: «руссистика» появляется лишь в третьем предложении обсуждаемого пассажа. Вопрос же стоит по-иному, выбор делается между чистыми от всякого конкретного содержания способами жизни: «работать или продолжать заниматься?» Чем именно продолжать заниматься и кем именно работать – вопрос не столь важный. Интерес же к русскому языку прокламируется как нечто, появившееся только после того, как выбор был сделан; правильность выбора подчеркивается возможностью «получить удовольствие». Нерациональный, слепой выбор приводит к счастью (или к суррогату его).

Безусловно, следование Дао не есть результат слепого выбора. Однако сложно переоценить то презрение, которое Лао-цзы испытывал к практической, рациональной детерминации любой деятельности. Как известно, он призывал не совершать поступков, но не потому, что действие – зло, а потому, что поступки причинно-обусловлены нашими мотивами, нуждами и практическими целями. А всякая причинная обусловленность есть безусловное зло, ибо обусловленная деятельность является нечистой и вульгарной. Чистое же действие невозможно, пока человек продолжает отождествлять себя с тем, чего он хочет или не хочет: с любовью, с ненавистью, с почтением, с презрением, а особенно – со счастьем и несчастьем. Получается, что автор анализируемого нами текста испытала сильное влияние даосского учения, но сделала из него собственные выводы – ведь она совершила-таки поступок, и действие это лишь отчасти можно назвать, в терминологии Лао-цзы, «чистым».

В данной точке следует упомянуть еще одно несомненное культурное влияние на представленный нашему вниманию трактат. Это песня Клода Франсуа на слова Пола Анки *My Way*, ставшая знаменитой благодаря исполнению Фрэнком Синатрой. Точка, откуда ведется в ней рассказ, – закат жизни, герой стоит «у последнего занавеса», который вот-вот опустится. Он ретроспективно созерцает пройденный путь, перебирает в памяти взлеты и падения, хорошие и плохие времена и заявляет, что не испытывает никакого сожаления по поводу всего в целом. Наоборот, все получилось, как следовало – герой следовал своему собственному пути. Тема достаточно популярная в западной поп-музыке, особенно 1940–1950-х, достаточно вспомнить *Non, je ne regrette rien* Эдит Пиаф. Кстати говоря, это примечательное историко-культурное обстоятельство до сих пор не нашло своего исследователя, и у нас есть некоторые соображения на сей счет, но мы отложим их до более подходящего случая, чтобы не отклоняться далеко от нашей темы.

Даже самое поверхностное знакомство с текстом *My Way*, сочиненным Полом Анкой, наводит мысль на очевидную параллель его с буддийской концепцией «обратного воспомина-

ния». Как известно, «обратное воспоминание» является одним из необходимых шагов к просветлению, осознанию иллюзорности мира, выпадению из цепи перерождений и обретению Нирваны. Перед нами начальная стадия этого пути, но без нее дальнейшие стадии невозможны. Более того, именно обратное воспоминание дает возможность осознать нынешнее свое положение в мире, пусть и иллюзорном (но осознание иллюзорности еще впереди, оно не достигнуто), как результата действия кармы. Иными словами, карма не существует объективно, ее надо увидеть, распознать, в частности в результате обратного воспоминания – иначе понимание чего-то в качестве кармического эффекта, невозможно. В *My Way* мы встречаем отголоски этих представлений, смешанные, впрочем, с традиционно-американской метафорой «пути» – автомобильной трассы:

*I've lived a life that's full
I've traveled each and every highway
But more, much more than this
I did it my way*

Однако, если попытаться проанализировать текст песни более глубоко, мы увидим, что дело обстоит совсем не так, как кажется, и буддийские аллюзии вводят нас – возможно, намеренно – в заблуждение, как, собственно, и упоминание «Мастера и Маргариты» в разбираемом нами трактате. Герой песни заявляет, что он уже испробовал все пути (*I've traveled each and every highway*), иными словами, ситуация выбора между ними совсем неважна, так как в итоге даже отвергнутые варианты пошли в дело. Важно другое – по уже проложенным трассам герой перемещается так, как свойственно только ему. Ситуация выбора оказывается ложной; активное деяние оказывается недеянием, отказом от прокладывания собственного пути; агрессивный и гордый индивидуализм «американской мечты», гимном которой считается *My Way*, напоминает пассивный конформизм, имитацию активности. Позволю себе напомнить, что Лао-цзы призывал не совершать поступков, так как они имеют в качестве причин мотивы, желания, страсти, практические надобности. Воспевание «американской мечты» в *My Way* становится квиетистской молитвой, буддийский мотив скрывает даосское содержание. Безусловно, подобного рода экзотический для американской публики продукт следовало как следует упаковать в знакомую оболочку – для этого в текст *My Way* вводится грубоватый жаргон гангстеров, сентиментальные мачистские интонации и так далее. Сегодня мы можем сказать, что маскировка оказалась удачной; даосский месседж песни по-прежнему скрыт от публики.

Но вернемся к предложенному на наш суд трактату. В отличие от *My Way*, в нем повествование ведется одновременно из двух точек, одна находится до ситуации выбора, другая – после. Именно к первой точке относится пример из романа М. А. Булгакова; автор готовится к принятию сложного решения, к шагу в неизвестное, к тому, чтобы передать себя в ведение судьбы, – и пытается укрепить свой дух случаями из той самой литературы, которую предполагает изучать, если выбор будет сделан в пользу аспирантуры. На самом деле, нам намекают, что выбор был к тому времени уже сделан, но не осознан или же сама ситуация «перекрестка» (еще одна тайная отсылка в трактате к автодорожной теме *My Way*) является ложной. Если так, то Дао уже был понят и принят автором трактата; более того, становится понятно, что и «чередa выборов» – абсолютная иллюзия. Вторая точка находится уже после (псевдо)перекрестка. Из нее автор повествует о том, насколько правильный сделал выбор, что в конце концов дало возможность получить «настоящее удовольствие». Отметим, что процитированное выражение вовсе не относится ни к телесной, ни к эмоциональной сфере; согласно Лао-цзы, Дао не просто «путь к Небу», он сам по себе – высшая трансцендентная реальность, неземпирическая, ее невозможно описать. Значит, если от нас требуется все-таки что-то сказать об этой реальности, то лучше использовать банальные, стертые выражения. Что автор представленного на

наш суд текста и делает, используя словосочетание «настоящее удовольствие», типичное для рекламы и глянцевого журналов. Тратат «Путь, который мы выбираем» блестяще демонстрирует, насколько глубоко поп-культура, даже в самых своих незатейливых феноменах, укоренена в многовековых культурных и религиозных традициях нашего мира.

Будущее. Вот оно. Не хайтек с андроидами, не стерильная жизнь на солнечной энергии и водородсодержащей диете, не волшебный мир, где живут до 300 лет, никого не обижая, но при первой же возможности до самого светлого усыпания в ничто гигиенически и этически безупречно трахаются. Но и не дистопия, не руины мегаполисов, почерневшие от копоти и грязи зубья брошенных сотни лет назад небоскребов, буйная растительность на месте некогда полнолюдных неоновых площадей, не архаизация с трайбализацией, не человеческие жертвоприношения, когда горло несчастному перепиливают осколком экрана древнего айфона 25, предварительно выковыряв глаза ржавой флешкой, нет. Будущее – вот оно. В этих милых сочинениях, поданных на конкурс будущего преуспевания. Дело не в языке. Ребятишки неплохо понимают русский – учитывая и то, как их учат, и то, сколько. Они вообще молодцы, эти парни и девки. Я не прав – не пришельцы они, их расписной летающий киндергартен не приземлялся в пустыне Гоби или в красноярской тайге лет 20–25 назад. Столь же неверно считать пришельцем себя. Слишком много чести. Как пришелец, так и ушелец. Просто это будущее рядом. Обычная серая мышшь. Тсссс... Она выползает, она неслышно пока бежит, она прикидывается, какой лакомый кусочек положит в предназначенную для меня мышеловку. Ведь и я мышшь. Только я мышшь прошлого. Так и бегаем по кухне настоящего, помахивая хвостиками. Мышка бежала, хвостиком махнула, горшок упал, яички разбились. Плачет дед, плачет бабка, курочка кудахчет, ворота скрипят, щепки летят, сороки трещат, гуси гогочут, собаки лают... А кто слушал, молодец.

6

– Сюин, кажется, я вас уже спрашивал, зачем вам это всё: русский язык, Москва, всё?

– Так получилось. Родители хотели, чтобы я пошла на экономику, но баллов не хватило, и я записалась на русский факультет. Сначала я ничего не понимала, очень тяжелый язык и странные писатели, все время о Боге говорят, непонятно. На третьем курсе я семестр проучилась в Москве, помните, я вам говорила, но это оказалась совсем другая страна, и язык, и про Бога никто не говорит, а как у нас в Китае – про деньги. Трудное время в Москве. Холодно, скучно, невкусная еда, этот кислый красный суп. Бошщщ? Бошшшш??? Я сидела в общежитии все время, когда не нужно было идти на лекции. В лекциях я не понимала ничего. Я даже не улучшила свой русский, ведь мы жили в одной комнате, четверо китайских студенток, и говорили на китайском. Трудное время. Зато потом я вернулась, и мне предложили подрабатывать переводчиком в одной нефтяной компании. Они казахи, но говорят по-русски, я у них училась. Хорошие люди, добрые. Готовят вкусно. И родители сказали, чтобы я получила диплом, потом пошла в магистратуру и потом пошла работать в большую компанию или в министерство. С русским языком сейчас можно устроиться. Я подала на стипендию, чтобы год аспирантуры провести в Москве. Родители так обрадовались, что подарили мне билет на этот поезд: пусть я по странам, где буду работать, проеду. И даже обещали не спрашивать, когда я собираюсь выйти замуж. Так что я еду в Москву и радуюсь. Может, в этот раз будет не так холодно? И я научусь есть красный суп?

Ох, вряд ли.

Светский разговор в купе, в ожидании горячих и полезных напитков в ассортименте, которые имеют быть поданными на завтрак, в ожидании перемещения вещей господина Ти Ли Ло Фу (Кириллова) в соседнее купе, в ожидании того, как наш Поднебесный Экспресс отойдет на двести-триста километров от города Х., велся на языке, не являющемся родным для обоих собеседников, оттого передача его на бумаге в виде диалога, где каждая реплика отмечена тире, нестерпимо фальшива. Речь собеседников звучит так, будто на нее надели сшитый не по размеру – то есть на размер-два меньше – строгий костюм, в котором ни повернуться, ни руку поднять, ни даже толком вздохнуть, остается пучить глаза, обмениваться дежурными стертыми фразами и мечтать о прекращении этой пытки. Ведь понятно, отчего нынче в мире почти любые разговоры на английском похожи на диалоги из пособий по устной конверсации. Как вас зовут? Откуда вы? Вы замужем/женаты? Где вы работаете? Какой ваш любимый фильм? Любите ли вы море? Какая смешная надпись на майке! Можно ли угостить вас кофе? Да, «Игра престолов». Была на концерте Адель. Мечтаю съездить в Тибет. Мечтаю купить недвижимость. Мечтаю завести семью. Мечтаю послать детей в университет. Мечтаю совершить кругосветный круиз. Мечтаю прыгнуть с моста на резинке. Мечтаю хотя бы раз попробовать групповой секс. Мечтаю дожить до ста лет. Мечтаю купить последний макбук. Мечтаю открыть кондитерскую лавку, как в том фильме. Мечтаю о любви. Мечтаю о больших деньгах. Мечтаю о будущем. Мечтаю о бессмертии. Мечтаю о бессмертии своих трех кошек и одной собаки. Мечтаю о том, чтобы никто не голодал, ах эти ужасные фото живых черных скелетов. Мечтаю. Весь мир мечтает исключительно на английском, причем на одном и том же английском из Всеобщего Учебника Устной Речи. Наивный русский поэт говорил, мол, не может поверить, что на английском можно сказать глупость. О святая простота! Невозможно поверить, что на английском можно сказать умность. Можно вообще сказать.

Оттого передавать беседу, которая велась в последнем из заселенных двухместных купе международного вагона Поднебесного Экспресса, в виде чередующихся, аккуратных, вертикально расположенных реплик, отделенных друг от друга отступами и тире, смысла не имеет. Она не будет отличаться от прочих подобных бесед, которые вот прямо сейчас, когда я вывожу

эти буковки на экране макбука, ведутся в десятках, сотнях тысяч мест по всему миру. К чему это механическое воспроизведение произведения искусства? А разговор наш действительно был таковым, артефактом, учитывая не только то, что было сказано, но и то, что хотелось сказать, но не смогло быть уложенным в безличные учтивые фразы новой латыни, плюс то, что при том думалось, имелось в виду, воображалось, даже скрывалось – и от собеседника, и от себя. Не это ли есть определение загадочного «дискурса»?

Так что здесь требуется иной медиум, скажем поумному – дискурсивный. К примеру, такой.

Вообще-то тема обучения чужому языку, чужой культуре в смысле изменения себя, своего языка и культуры, банальна. Все куда-то ездили учиться, схватывать на лету, впитывать и даже грызть гранит. Анахарсис и Марко Поло, царь Петр Алексеевич и Чаадаев, Джордж Харрисон и Ролан Барт. Понятно, что интенции и масштаб всегда разные; сегодня незачем тащить с собой сотню бояр и тысячу холопов, чтобы устроиться на кораблестроительный завод в чужом приморском городе. Но расклад остается прежним: тяга к чужому столь же непреодолима, как и отталкивание от него. Восхищение перемежается высокомерием. Все это рождает заблуждение – этот одновременно гранд-финал и побочный эффект. Заблуждения бывают столь восхитительны, что в них хочется даже не верить, в них хочется поселиться навеки.

И вот, дорогая Сюин, если бы разговор наш шел на языке, равно нам родном – что, как вы понимаете, невозможно, и к лучшему невозможно, – я процитировал бы вашего замечательного соотечественника Го Цитао, который в 1860 году преподнес вашему не очень удачливому, но, несомненно, великому, императору Айсиньгёро Ичжу книгу собственного изготовления под названием «Подробное описание северных народов». Использую слово «изготовления» в правах «сочинения» потому, что это компиляция – собрание всех оказавшихся в распоряжении Го Цитао текстов и упоминаний о России. Собственно, под «северными народами» она и скрывается – Россия. И ведь не поспоришь, народ воистину северный, гипербореи. Здесь, дорогая Сюин, я сильно рискую – ведь использовать этот древнегреческий термин есть проявление западного высокомерного снобизма, никто за пределами бывшего так называемого «эллинистического мира» не обязан знать никаких гипербореев, с их красочным шлейфом различных коннотаций, будто пестрые флажки, привязанных к бандерилье. Все это только дразнит, раздражает, так что вернемся к почтенному и почтителю Го Цитао. Он собрал о северных народах все, что только смог собрать. Зачем ему это понадобилось, не знаю; разве что вспомним: 1860-й – тот самый год, когда одни белые дьяволы захватили Пекин и сожгли старый летний императорский дворец, а другие белые дьяволы – те самые северные народы – заставили императора заключить с ними договор, по которому прирезали себе земли на сопках Маньчжурии. В общем, было неплохо узнать, с кем же Хуанди Богдыхан Айсиньгёро Ичжу имеет дело. Император, впрочем, не особенно этим интересовался – проделки нынешних варваров мало отличались от проделок варваров прошлого, а уж о прошлом Айсиньгёро Ичжу, выдающийся каллиграф и знаток древних текстов, знал все. Но Го Цитао все же рискнул и даже попытался намекнуть Хуанди Богдыхану, что северные народы сильно отличаются от прочих варваров, ибо они подпали под благотворное влияние Срединного Царства: «Восхищаясь облагораживающей силой нашей династии, (русские) ежегодно присылают своих самых лучших студентов в нашу столицу изучать маньчжурские и китайские писания и читать исторические и классические произведения. <...> Теперь облагораживающее влияние нашей династии распространилось вдаль, постепенно обращая людей к благожелательности и добродетельности. <...> В течение двухсот лет (Россия) постепенно преображалась под этим влиянием, и поэтому ее литература необыкновенно расцвела». Можно сколько угодно хихикать над экзотическим утверждением китайского вельможи, но ведь все наши представления о мире примерно такого же свойства, не правда ли? Все мы так или иначе считаем, что условная дюжина условных бывших семинаристов, перебивавшая в условной духовной миссии в условном Пекине за условные

сто лет, может – чисто теоретически – повернуть реальность в том направлении, в котором она нынче и следует. Что тут можно оспорить? Ведь следует же? А причины того могут быть самые разные. Пушкин с Гоголем велики, бесспорно. А вдруг их сделало таковыми знакомство не с текстами Байрона или Вольтера, а с сочинениями Ду Фу или Сыма Цяня? Гипотеза смелая – но кто сказал, что мы боимся неожиданного разворота мысли, мы, наследники Сократа и Ницше? В общем, и в остальном все точно так же. Наверняка вот прямо сейчас какой-нибудь чиновник строчит записку в российский МИД, а то и самому известно кому, отмечая, что нынешние успехи Китайской Народной Республики есть результат облагораживающего влияния северо-западного соседа, ведь китайцы уже много десятилетий (хорошо, пусть с некоторым перерывом, но все же) присылают своих лучших студентов в нашу столицу и другие города нашей Родины изучать русские классические и современные писания. Вот и вы, дорогая Сюин, были присланы один раз, а теперь – во второй. А что красный суп кислый – это ерунда, северные народы варят и другие похлебки.

Многоуважаемый учитель Кириллов, ужасно не хочется мне ехать в вашу столицу, да и в вашу страну вообще. Хорошо, пусть она уже не ваша, но была когда-то, к тому же вы всегда нам на лекциях говорили, что родина – это язык и написанные на нем книжки, а не кусок земли. Я запомнила ваши слова. Ведь когда я жила в Москве, я тоже была на родине – у нас была одна родина на четырех китайцев, пусть и из разных провинций. Каждый день мы готовили еду родины; я даже делала сычуаньский горячий котел, да, я помню, вы всегда смеялись над тем, что мы говорим на русском «сычуаньский самовар». Но ведь вы, уважаемый учитель, неправы. Он действительно «самовар», так как варит сам. Как и ваш прибор, где кипение воды постоянно поддерживается горелкой или маленькой печкой, куда подбрасывают щепки или шишки – я видела в кино про вишневый сад или, нет, про дядю Ваню и его команду, – наш сычуаньский самовар постоянно кипит, только в нем не вода, а бульон, в котором плавает наш сычуаньский перец, и в этот бульон на длинных палочках мы опускаем разные сырые кусочки. В общежитии пришлось держать котелок на плите, перец и всякие травы я привезла с собой, на запах сбежались другие студенты из других родин, но делиться мы не стали. Так мы и выжили – с нашим самоваром, с нашим чатом, с нашими играми в телефоне, с нашими сериалами в ноутбуке. Вылазки в чужой грубый холодный город мы делали нечасто; непонятные лекции, музей, в котором хмурые мужики тянут лодку, театр, где поют Годунов и Онегин, вы нам еще про них рассказывали потом. И сейчас будет то же самое. Но что поделать? Мне двадцать пять, и я боюсь ездить к родителям, все вокруг говорят: когда? когда? когда? – все ждут, что я скажу. Но я не хочу, я хочу пожить одна, в своей квартире, с собакой, чтобы была работа, деньги, друзья, подружки, свой парень, но не муж. Никому этого не объяснить, так что лучше сбежать к хмурым северным народам, к кислому красному супу.

Воспользуюсь правом автора текста и сделаю следующую ремарку: «Мысли Сюин унеслись далеко. Она мечтала о новой жизни в новой стране, не в Китае и не в России, где-то в другом месте, подальше от родителей, чтобы было всегда тепло, чтобы всегда с избытком хватало денег. Но вдруг она устыдилась, подумав, что начала думать, как настоящая охотница за богатыми иностранцами. Никто в Китае не любит *golddiggers*».

– Петр Кириллович, вы кого-нибудь в нашем поезде знаете?

– Нет.

– А я знаю. Китайку, что с мистером из Британии. Она в нашем университете подрабатывает, преподает перевод.

– Ах, вот оно что. А я-то думаю, где же ее видел... Ну, точно. В нашем институте, только на другом этаже. О, уже время завтрака. Пошли? Интересно, что там дадут – и будет ли кофе?

7

На входе в вагон-ресторан стоял официант в синей куртке, из-под нее выглядывала вышвенно-белоснежная рубаша, на шее – красная бабочка, редкие усы, бледное, матовое лицо, интенсивный взгляд, который уперся в мой подбородок, можно даже сосчитать морщинки в уголках его глаз, три справа, четыре слева, природа не терпит симметрии, даже когда она явлена в идеально симметричном вагоне-ресторане Поднебесного Экспресса. Впрочем, полной симметрии не наблюдалось, скорее две зеркально отраженные половинки были чуть сдвинуты в отношении друг друга. Шесть столов, по три на стороне, но каждому из них через проход соответствовал не такой же стол, а пространство между двумя столами, так что если представить вагон-ресторан сверху, то он напоминал танковую или тракторную гусеницу, натянутую на зубчатые колеса, а внутри пустота, предназначенная для перемещения официантов с подносами и с перекинутой через руку салфеткой. Или на цепь с идеально одинаковыми зубцами, каждому из которых соответствует выемка. Если вдруг представить себе, что Поднебесный Экспресс попадет в страшную катастрофу и вагон-ресторан будет сплюснен неведомой могущественной силой с боков, то каждый стол найдет себе место – он идеально войдет в межстольный промежуток на противоположной стороне вагона, и вместо пространства, разделенного проходом, по бокам которого сидят и вкушают пассажиры первого и второго, получится узкое помещение, где столы стоят один за другим, но пассажиры вынуждены будут навеки остаться за своими приборами. Если, конечно, не сплющит еще больше, тогда получится просто длинная вытянутая полоска, состоящая из спрессованных металла, дерева, пластика, биомассы. Будем надеяться, что до такого не дойдет.

Симметрию нарушало и расположение специально выгороженных пространств в начале и конце вагона-ресторана. На входе слева, у двери, распахнутой официантом с ассиметричными морщинками, располагался небольшой туалет; в отличие от туалетов в спальнях вагонов (тоже слева), дверь ресторанный была хотя и пластиковая, но раскрашенная под дорогое дерево, неперенные темно-коричневые разводы, трещинки, линии, будто сделана из какого-нибудь бука или даже сосны. Впрочем, я не знаю, из какого дерева мастерят двери дорогих туалетов. Уверен, дизайнеры вагона-ресторана Поднебесного Экспресса предвидели и это обстоятельство. В конце вагона, слева же, располагался буфет со стойкой. Издалека не видно, сделаны ли они тоже из пластика или все-таки из дерева; для этого надо подойти ближе, а официант уже усаживал нас за средний из трех столиков справа. Издалека буфет выглядел внушительно: на полках – шеренги бутылок с обычными для нынешнего мира этикетками (через мгновение я вернусь к вопросу инвентаризации алкогольных напитков), на специальной подвесной полочке над стойкой в идеальном порядке головой вниз, будто копченые уточкины трупы в ресторанах пекинской кухни, висели пустые бокалы, справа за стойкой, в глубине – внушительный кофейный аппарат, блестящий, алый, итальянский, я сразу узнал, в таких обычно отличный эспрессо делают, но это в Европе, не знаю как здесь, все равно приятно встретить старого друга за тысячи миль от мест его привычного обитания, вроде фото Мастроянни в чайной нашего (моего бывшего) кампуса, я ему подмигивал, мол, привет, старый хитрец, а он лукаво посматривал на меня поверх черных очков, слева можно увидеть блестящий кран, он вознесся над невидимой миру раковиной, надеюсь, столь же сверкающей, что спряталась за стойкой, в таких раковинах в барах обычно ополаскивают что-то срочно необходимое, тактически важное, промежуточный стаканчик или чашечку, пока не подойдет подкрепление в виде роты только что вынутых из посудомоечной машины, еще теплых емкостей для розлива самых разнообразных жидкостей. Да, но бутылки. Набор напитков в вагоне Поднебесного Экспресса, насколько я смог разглядеть его, подходя к столу, усаживаясь, перемежая инспекцию видами, открывающимися из окна (крестьянские дома, холмы и невысокие горы, изогнутые деревья, как на ста-

рых китайских рисунках, на горизонте – уже большие горы, мутноватое молочное небо, вялая февральская прошлогодняя зелень травы и некоторых деревьев, другие голые, поля озимых, поля яровых, хжины, проселочная дорога с одиноким велосипедистом, неторопливо добирающимся из пункта А в пункт Б – а куда торопиться? – как известно, дорога в тысячу ли начинается с первого ли у дверей дома или с первого ли в середине дороги между пунктом А и пунктом Б да где угодно), перекладывая приборы в ожидании чашки чего-нибудь горячего и полезного, тарелки чего-нибудь укрепляющего и вкусного, любопытно, что перед каждым посетителем выложены два варианта столовых приборов, китайский и европейский, нож-вилка-ложки и палочки-ложки, интересно, если принесут тосты и джем, как тут палочками действовать? Разве что разломать тост на несколько кусочков и, последовательно прихватывая каждый из них палочками, обмакивать в джем, извлеченный из маленьких неглубоких пластмассовых ванночек, запечатанных фольгой, – но чем тогда его извлекать? Можно, впрочем, открыть ванночку и макать в нее кусочки тоста, в общем, басня «Журавль и лисица», как-то так, в общем, я периодически поглядывал на бутылки, выстроенные рядами за линией обороны буфетной стойки, и вот о чем размышлял.

В любом питейном заведении, которое находится в западном мире, пусть этот западный мир представлен лишь экспатами в скафандрах, смонтированных из бургеров, Инстаграма и последнего альбома *The National*, придурковатыми экспатами запущенными в любой локальный космос от Томска до Найроби, от Урумчи до Абу Даби, мы почти всегда обнаружим следующее:

Виски:

скотч (*Johnny Walker*, иногда *Bells*, в барах с претензиями непременно обнаружится *single malt*),

бурбон (*Jack Daniels*, иногда *Jim Beam*),

ирландский (*Jameson*, иногда *Tullamore Dew*),

(иногда даже японский или канадский виски, но это дело случая).

Ром: *Baccardi*, *Malibu*, *Captain Morgan*, последнего может быть даже два сорта.

Брэнди: *Courvoisier*, *Martell*.

Джин: *Beefeater*, *Bombay Sapphire*, порой выпендренный *Hendricks*, странно, что базовый *Gordon's* можно найти далеко не везде.

Водка: *Stolichnaya*, «Русский Стандарт» – наличие кириллицы заставляет трепетать мое сердце патриота, *Grey Goose*, а вот старик *Smirnoff* явно сдал свои позиции.

Плюс один-два сорта ликеров, горьких настоек, *Martini*, наконец, прекрасный *Campari*, теснимый беспринципным *Aperol*ем. И, конечно, местная продукция; она обычно занимает примерно одну десятую ассортимента, а то и меньше. Расстановка напитков в находящемся в любом из вариантов западного мира питейном заведении обычно зависит от трех факторов. Первый фактор – популярность той или иной интернациональной жидкости. Те, что заказывают чаще, располагаются на нижней полке в разворотной доступности бармена, слева, если он правша, или справа, если левша, у него за спиной. Реже наливаемые, либо вообще не спрашиваемые, но необходимо-декоративные и поддерживающие статус места – выше и дальше. Второй фактор – эстетические представления владельцев и/или барменов. В таких случаях группы бутылок размещают в зависимости от цвета содержащейся в них жидкости. Особенно это распространено в барах, где стена за стойкой, к которой привинчены полки с напитками, стеклян-

ная и подсвеченная нецветными огоньками. Строго поделенные на жанры шеренги бутылок демонстрируют либо процесс постепенного окрашивания, от бесцветных прозрачных водки и джина к коричневому бренди и виски, либо, наоборот, переход от палитры к монохромному. В таких случаях важную роль могут сыграть напитки необязательные: зеленые абсент и шартрез, черные бутылки ужасного смородинового рижского бальзама, купоросный кюрасао. Впрочем, большинство разливающих эстетов мудро придерживаются минимализма. Наконец, третий фактор – полное невежество в вопросе теории и практики интернациональных напитков, их роли в становлении и функционировании глобалистской алкогольной культуры. Иными словами, незнание, кто, с кем, зачем и по каким случаям пьет в баре виски, ром или джин. Подобное происходит чаще всего в местах, еще слабо затронутых питейной глобализацией, в местах, где *Jack Daniels*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.